

Я сидел на молу небольшого порта Обернон, близ деревушки Сали, и любовался Антибом при закате солнца. Никогда не видел я ничего более захватывающего и более прекрасного.

Городок, замкнутый в тяжелые крепостные стены, возведенные Вобаном[1], вдается в самое море, посреди огромного залива, на берегу которого расположена Ницца. Высокие морские валы разбивались о подножие крепостных стен, омывая их кружевом пены, а дома над стенами карабкались друг на друга до самых башен, устремленных в небо, как два рога античного шлема. И обе башни вырисовывались на молочной белизне Альп, на громадной и далекой снежной стене, заграждавшей горизонт.

Между белой пеной у подножия стен и белым снегом у края небес, на синеватом фоне горных отрогов, стоял сверкающий городок, и лучи заходящего солнца играли на пирамиде домов с бурыми кровлями, домов тоже белых, но из-за освещения принимавших самые различные оттенки.

И даже небо над Альпами было почти белой голубизны, словно обесцвеченное снегом; кое-где у бледных вершин серебрились облачка; а по другую сторону залива Ницца прильнула к воде, белой ниткой протянувшись между морем и горами. Два больших латинских паруса, подгоняемые свежим бризом, казалось, бежали по волнам. Я смотрел, как замороженный.

Такие отрадные, необычные, чарующие взор картины проникают в душу и не забываются, как и воспоминания о счастье. Живешь, думаешь, страдаешь, умиляешься, любишь глазами. Тот, кто умеет чувствовать зрением, созерцая одушевленные и неодушевленные предметы, испытывает такое же острое, изысканное и глубокое наслаждение, как человек с тонким и восприимчивым слухом, чью душу будоражит музыка.

Я сказал своему спутнику, г-ну Мартини, чистокровному южанину:

— Пожалуй, никогда мне не доводилось любоваться таким редкостным зрелищем...

Я видел, как на рассвете встает из песков гора Сен-Мишель, эта огромная драгоценность из гранита.

Я видел в Сахаре, как серебрится при луне, яркой, точно наше солнце, озеро Райанешерги, протянувшееся на пятьдесят километров, и как встает над ним белый пар, молочным облаком поднимаясь к луне.

Я видел на Липарских островах сказочный серный кратер Волканелло; он горит и дымится, этот гигантский цветок, желтый чудовищный цветок, распутившийся среди моря на стебле-вулкане.

Так вот, я не видел ничего поразительнее, чем Антиб на фоне Альп в лучах заката.

И почему-то мне не дают покоя античные реминисценции; мне приходят на память стихи Гомера: ведь передо мною город древнего Востока, город из Одиссеи — Троя, хотя Троя и отстояла далеко от моря.

Мартини достал из кармана путеводитель Сарти и прочитал:

— «Этот город первоначально был колонией, основанной фокейцами из Марселя около трехсот сорокового года до рождения Христа. От них он получил греческое наименование Антиполис, то есть «Противогород» — город напротив другого города, ибо он действительно расположен прямо напротив Ниццы, тоже марсельской колонии.

Завоевав Галлию, римляне сделали Антиб муниципией; жители его получили права римских граждан.

Из эпиграммы Марциала мы знаем, что в его времена...»

Он собирался продолжать. Я перебил его:

— Мне безразлично, каким он был. Говорю вам: у меня перед глазами город из Одиссеи. Не все ли равно, азиатское это или европейское побережье: города и там и тут были схожи между собой; но по ту сторону Средиземного моря ни один город не пробуждает во мне с такой силой воспоминаний о героических временах.

Я обернулся, заслышав шаги: женщина, высокая, черноволосая женщина шла по дороге, ведущей вдоль моря к мысу.

Мартини прошептал, напирая на последний слог имени:

— Это госпожа Парис. Слышали?

Нет, я не слышал, но это случайно брошенное имя, имя троянского пастуха дало новую пищу моей фантазии.

Все же я спросил:

— А кто такая госпожа Парис?

Он был, видимо, поражен, что я не слышал ее истории.

Я уверил его, что ничего не знаю; я смотрел на женщину, которая шла, не видя нас, погруженная в свои мысли, шла медленной и величавой поступью, как, вероятно, ходили античные женщины. Ей было лет тридцать пять, и была она еще красива, очень красива, хотя несколько полна.

Вот что рассказал мне Мартини.

Госпожа Парис, урожденная Комбеломб, за год до войны 1870 года вышла замуж за чиновника г-на Париса. В ту пору она была юной красавицей, стройной и веселой, не то что сейчас, когда она располнела и стала печальной.

Нехотя согласилась она на брак с Парисом, пузатым человеком, из тех коротышек, что семянят ножками в широких, не по росту брюках.

После войны гарнизонную службу в Антибе нес один-единственный пехотный батальон под командой Жана де Кармелена, молодого офицера, отличившегося в последнюю кампанию и только что получившего четыре нашивки.

Майор де Кармелен отчаянно скучал в крепости, в душной норе, зажатой в двойном кольце огромных стен, и потому часто уходил гулять на мыс, напоминавший парк или сосновый лес, открытый всем морским ветрам.

Там он встретил г-жу Парис — она тоже летними вечерами приходила сюда под деревья подышать чистым воздухом. Как началась их любовь? Разве это узнаешь? Они встречались, смотрели друг на друга, а разойдясь, верно, вспоминали свои встречи. Образ черноглазой и черноволосой молодой женщины с матовой кожей, образ красивой и сочной южанки, которая улыбалась, сверкая зубами, витал перед глазами офицера, и, продолжая прогулку, он покусывал сигару, вместо того, чтобы курить ее; а образ майора с закрученными белокуроыми усами, в шитом золотом мундире, в красных рейтузах, тоже, вероятно, проносился по вечерам перед взором г-жи Парис, когда муж, плохо выбритый и плохо одетый, коротконогий и пузатый возвращался домой к ужину.

Они часто встречались и, возможно, начали улыбаться друг другу; они часто встречались и, верно, вообразили, будто знакомы. Он, должно быть, поздоровался. Она удивилась и наклонила голову, чуть-чуть, как раз настолько, чтобы он не счел ее неучливой. Но к концу второй недели она отвечала на его поклоны уже издали, еще не поравнявшись с ним.

Он заговорил с ней! О чем? Ну, конечно, о закате. И они вместе принялись восхищаться закатом, любясь им больше в глазах друг у друга, чем на небе. И каждый вечер, в течение двух недель, они неизменно прибегали к этому избитому предлогу, чтобы поболтать несколько минут.

Затем они решились пройтись вместе, беседуя на самые безразличные темы, но глаза их уже говорили друг другу то самое заветное, то сокровенное и прекрасное, что сквозит в ласковости, в умиленности взгляда, от чего сильнее бьется сердце, ибо тут душа раскрывается больше, чем в признании.

Затем он, вероятно, взял ее за руку и прошептал слова, которые женщина угадывает, как будто даже не слыша их.

И они поняли, что любят друг друга, хотя и не проявили свою любовь как-нибудь чувственно или грубо.

Она так и не пошла бы дальше этих нежных отношений — она, но не он, ему этого было мало. И с каждым днем он все более пылко уговаривал ее уступить его страстному желанию.

Она не сдавалась, не хотела и, казалось, твердо решила остаться непреклонной.

Но однажды вечером она промолвила как бы невзначай:

— Муж уехал в Марсель. Пробудет там четыре дня.

Жан де Кармелен бросился к ее ногам, умоляя в этот же вечер около одиннадцати отворить ему дверь. Но она не стала слушать и ушла, сделав вид, что рассердилась.

Весь вечер майор был не в духе, а наутро чуть свет уже свирепо шагал по крепости, обходя взвод за взводом, — от музыкантской команды до учебной, и на офицеров и солдат, словно камни в толпу, сыпался град взысканий.

Но, вернувшись к завтраку, он нашел у себя под салфеткой конверт, а в нем записку в четыре слова. «Сегодня вечером в десять». И безо всякого повода он дал гарсону пять франков на чай.

День тянулся для него бесконечно долго. Часть времени он потратил на то, что прихорашивался и опрыскивал себя духами.

Когда он сел обедать, ему опять подали конверт. В него была вложена телеграмма.

«Дорогая делами покончил. Возвращаюсь сегодня вечером девятичасовым. Парис».

Майор так громко выругался, что гарсон уронил суповую миску на пол.

Как быть? Он желал, чтобы она принадлежала ему сегодня же, во что бы то ни стало; и он твердо решил добиться своего. Добиться любой ценой, пусть даже придется арестовать и посадить мужа в тюрьму. Внезапно у него мелькнула сумасбродная мысль. Он приказал подать бумагу и написал:

«Сударыня! Он сегодня вечером не вернется, клянусь Вам, а я буду в десять часов, где условлено. Не бойтесь ничего, я за все отвечаю, верьте чести офицера».

Жан де Кармелен».

Приказав отнести письмо, он спокойно пообедал.

Около восьми он пригласил к себе капитана Грибуа, следующего за ним по чину, и сказал ему, вертя в руке смятую телеграмму Париса:

— Капитан! Я получил телеграмму странного характера, содержание которой не имею даже возможности передать вам. Немедленно прикажите закрыть и охранять все ворота, ведущие в город, чтобы никто... слышите?... никто не мог ни войти, ни выйти до шести утра. Вы разошлете по улицам патрули, а жителям предложите быть дома с девяти вечера. Тот, кто окажется на улице после этого часа, должен быть отправлен домой *manu militari*[2]. Если ваши люди встретят меня нынче ночью, пусть сейчас же удалятся, даже не подав виду, что узнали меня. Поняли?

— Так точно, господин майор.

— Вы отвечаете за выполнение приказа, капитан.

— Так точно, господин майор.

— Не хотите ли рюмку шартреза?

— С удовольствием, господин майор.

Они чокнулись, выпили желтого ликеру, и капитан Грибуа удалился.

Марсельский поезд пришел точно в девять, на платформу высадились два пассажира, и поезд отправился дальше, в Ниццу.

Один пассажир, высокий и тощий, был г-н Сариб, торговавший прованским маслом, другой, толстый и низенький, — г-н Парис.

Взяв саквояжи, они вместе отправились в город, находившийся на расстоянии километра.

Но когда они дошли до ворот со стороны порта, часовые скрестили штыки и приказали им удалиться.

Растерявшись, смутившись, оторопев от удивления, они отошли в сторонку и обсудили положение; затем, посоветовавшись, робко вернулись и начали переговоры, назвав себя.

Но солдатам, верно, дано было строгое предписание, они пригрозили, что будут стрелять; и оба путешественника в страхе пустились наутек, бросив саквояжи, чтобы быть налегке.

Они обошли крепостную стену и появились у ворот со стороны дороги в Канн. Но и эти ворота были на запоре и под охраной грозного караула. Сариб и Парис, как люди благоразумные, не настаивали и вернулись на вокзал в поисках пристанища: после захода солнца вне крепостных стен было небезопасно.

Дежурный, ничего не поняв спросонья, разрешил им дождаться утра в зале для пассажиров.

Там они и просидели рядышком на зеленом бархатном диване, без света, до того напуганные, что даже и не помышляли о сне.

Ночь показалась им очень долгой.

Около половины седьмого они узнали, что ворота открыты и что теперь, наконец, можно войти в город.

Они снова пустились в путь, но саквояжей, оставленных на дороге, уже не нашли.

Когда они, еще немного робея, прошли городские ворота, майор де Кармелен, с лихо закрученными усами, сам подошел с лукавым видом, чтобы опросить их.

Затем он вежливо поклонился, извинившись, что по его вине они плохо провели ночь. Но он обязан был выполнить полученный им приказ.

Жители Антиба были возбуждены. Одни говорили о внезапном нападении, замышляемом итальянцами, другие — о высадке сына Наполеона III, третьи предполагали заговор орлеанистов[3]. Истину узнали позднее, когда стало известно, что батальон майора де Кармелена отправлен очень далеко, а сам майор строго наказан.

Мартини окончил рассказ. Г-жа Парис возвращалась с прогулки. Она прошла мимо меня величавой поступью, устремив взор на Альпы, вершины которых розовели в последних лучах солнца.

Мне хотелось ей поклониться, поклониться печальной и обездоленной женщине, которая, верно, все еще вспоминает далекую ночь любви и отважного человека, не побоявшегося ради ее поцелуя ввести в городе осадное положение и загубить свою карьеру.

Теперь он, конечно, позабыл ее и, разве только подвыпив, рассказывает об этой дерзкой шутке, смешной и трогательной.

Виделись ли они еще? Любит ли она его и сейчас? И я думал: «Вот вам эпизод современной любви, нелепый и в то же время героический. Чтобы воспеть эту Елену и злоключения ее Менелая, понадобился бы Гомер с душою Поль де Кока. И все же герой этой покинутой женщины смел, безрассуден, красив, силен, как Ахиллес, и, пожалуй, хитроумней Улисса!»

Примечания

Напечатано в “Жиль Блас” 16 марта 1886 года.

1 Вобан (1633—1707) — французский военный инженер.

2 Вооруженной силой (лат.).

3 Орлеанисты — французская монархическая партия, боровшаяся с Третьей республикой и состоявшая из приверженцев Орлеанской ветви королевского дома Бурбонов, правившей Францией в лице короля Луи-Филиппа с 1830 по 1848 год.